
КАМЕРА
ЕЩЁ ТЁПЛАЯ
КИРА СИ
18+

Кира Си
Камера ещё тёплая

https://litres.ru/74816737
SelfPub; 2026

Аннотация

Их нанимают не любить друг друга, а выглядеть так, будто уже любят. Семейный курорт, три дня, номер со стеклом на море. В сценарии объятие, поцелуй у бассейна, общий завтрак. В договоре мелко: поцелуй постановочный, язык не нужен, после слова «стоп» руки убрать.

На второй день режиссёр просит «живее» и уходит за кофе. Камера ещё тёплая, но уже выключена. Она Говорит тихо, не в микрофон: хочет по-настоящему.

Содержание

Глава 1. Договор 4
Глава 2. Стекло 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Камера ещё тёплая

Глава 1. Договор

Ключ был тяжёлый, с пластиковой биркой. Администраторша улыбнулась так, будто уже видела их на билборде.

— Семейный, с видом. Как просили.

Глеб взял ключ. Алина стояла на полшага сзади, сумка на плече, солнечные очки на макушке. В холле пахло кондиционером и апельсиновой коркой. За стеклом уже было море, ровное, дорогое, ничьё.

— Мы не семья, — сказала она негромко, когда они отошли к лифту.

— Три дня — семья, — сказал Сергей. Он догнал их с папкой и бумажным стаканом. — В кадре. В номере можете быть кем угодно, только чтобы утром выходили оттуда вместе и не пахли ссорой. Оля ждёт у бассейна через сорок минут. Сначала границы. Я их читаю вслух, чтобы потом никто не вспомнил по-своему.

Номер был на четвёртом. Стекло во всю стену. Балкон узкий, перила тёплые от солнца. Кровать одна, широкая, белая. На ней два халата и карточка: «Мы здесь своими».

Алина подошла к стеклу и не стала его открывать. Море лежало внизу, бассейн ещё пустой, шезлонги ровные, как зубы. Вид был красивый и ещё ничей. Она поставила сумку у

стены, не в шкаф.

— Распаковываться? — спросил Глеб.

— На три дня. Зубная щётка и то, в чём сниматься.

Сергей сел в кресло у окна, раскрыл папку на колене и читал так, будто диктовал адрес.

— Поцелуй постановочный. Губы закрытые. Язык не нужен. Ладонь на талии, не ниже. Вторая рука — плечо, шея, волосы, если попрошу. После слова «стоп» руки убрать сразу. Не доигрывать. Не импровизировать ниже пояса, даже если кажется, что «семья» так делает. Общий завтрак: смотреть друг на друга, передавать чашку, не кормить с вилки, это уже дешёвый сериал. Ночь в одном номере — логистика, не сюжет. Вопросы?

— Если он положит руку ниже, я её сниму, — сказала Алина.

— Если она не отойдёт после «стоп», отойду я, — сказал Глеб.

Сергей кивнул, довольный не ими, а тем, что пункт существует.

— Химия нужна. Раздеваться в кадре не надо. Купальник, рубашка, улыбка людей, которые уже всё друг про друга знают и никуда не спешат. Вот и вся роль.

Он ушёл пить кофе и ругаться со светом. Они остались с видом.

Глеб вышел на балкон, вернулся, открыл мини-бар и закрыл, ничего не взяв. Алина достала купальник, тёмный, за-

крытый больше, чем просили в письме, и ушла в ванную переодеваться. Вода включилась и почти сразу стихла. Когда она вышла, волосы были собраны, ключицы сухие, на шее нитка, которую Оля всё равно снимет.

— Нормально? — спросила она.

Он посмотрел как на костюм, не как на тело. Почти получилось.

— Нормально. Сергей скажет, что слишком закрыто.

— Пусть говорит. Ниже пояса в договоре нет даже взгляда.

У бассейна было жарко и пусто, если не считать штатива, отражателя и Оли с косметичкой на коленях. Она посадила Алину на край шезлонга, тронула скулу спонжем и сказала, не поднимая глаз:

— Муж в кадре должен быть чуть теплее тебя. Иначе вы оба выглядите нанятыми.

— Мы и есть нанятые, — сказала Алина.

— Зрителю это не продают.

Глебу она только стёрла блеск со лба и оставила шею чистой. Пока.

Сергей поставил их у бортика. Вода била в плитку ровно, без ветра.

— Объятие. Потом поцелуй. Три секунды. Губы закрытые. Алина, рука ему на грудь или на шею, не в волосы, волосы у него и так ничего. Глеб, ладонь на талии. Талия — это здесь. — Он ткнул себя сбоку, выше бедра. — Не сюда.

Сняли. Пошли.

Первый дубль они сделали правильно.

Глеб шагнул к ней так, как шагают к человеку, с которым уже делят холодильник. Рука легла на талию, ровно в границу. Ткань купальника была тёплая от солнца, под ней — твёрдый край ребра и мягкое ниже, которого он не касался. Алина подняла лицо. Поцелуй вышел сухой, закрытый, аккуратный, как подпись внизу договора. Три секунды. Она пахла тональным и своей кожей, не духами. Он не открыл рот. Она не открыла. Их зубы не встретились. Это было вежливо до смерти.

— Стоп, — сказал Сергей.

Глеб убрал руку сразу. Ладонь запомнила место и опустела.

Алина не отстранилась сразу. Её рот ещё был в том же воздухе, на расстоянии пальца от его. Глаза открытые. Потом она сделала шаг назад, будто вспомнила, что шаг входит в работу.

Сергей смотрел в монитор и морщился так, словно ему показали чужой отпуск.

— Как брат с сестрой. А нам нужна семья. Ещё раз. Живее. Не язык. Живее глаза, живее рука. Будто вам не впервой стоять так близко и это не событие.

Второй дубль был теплее на полградуса. Третий Сергей оборвал на второй секунде.

— Вы думаете о пункте. Я это вижу. Пункт пусть думает

юрист. Вы думайте, что вчера уже целовались и сегодня вам не надо доказывать, что умеете.

— Мы вчера не целовались, — сказала Алина.

— В биографии роли — целовались. Идите в номер. До заката вас не трогаю. Вечером общий план ужина снимем без поцелуя, там вы хотя бы можете жевать. А это, — он кивнул на монитор, — переснимем завтра, когда перестанете бояться собственных ртов.

Оля убрала им лицо почти до кожи. Синяк на шее ещё нечему было оставлять. Они поднялись в лифте молча, в купальнике и рубашке, как люди, которых выгнали с собственной свадьбы за то, что они недостаточно женаты.

В номере море уже стало серее. Алина сбросила шлёпанцы и осталась босиком на плитке.

— Он прав, — сказала она. — Мы целуемся как на проходной.

— Мы целуемся как в пункте.

— Пункт мёртвый. Ролик тоже будет мёртвый, и нам не заплатят вторую половину, если он скажет, что химии нет. Это в приложении, ты читал.

Глеб читал. Вторая половина висела на слове «достоверно».

— Тогда репетируем, — сказал он. — Без камеры. Объятие. Поцелуй. Как работа.

— Как работа, — повторила она.

Они встали у стекла, не у кровати. Так было честнее. Он

положил ладонь туда же, на талию. Она положила руку ему на грудь, где рубашка ещё пахла улицей. Сначала держали позу, как держат мебель, которую надо сфотографировать.

— Ближе, — сказала Алина. — Он скажет «ближе», даже если мы уже ближе.

Глеб шагнул. Их колени сошлись. Её живот коснулся его живота через тонкое. Купальник ничего не прятал из тепла. Она вдохнула и не отодвинулась.

— Поцелуй, — сказал он. — Закрытый.

Они поцеловали друг друга так же сухо, как у бассейна, и оба почувствовали, что сухость теперь фальшивая. Губы были мягче, чем в кадре. Она чуть подалась вперёд, не открывая рта. Он ответил тем же, на миллиметр. Три секунды прошли, и никто не сказал «стоп», потому что Сергея не было.

Алина отстранилась первой на этот раз. Щёки тёплые. Не от грима.

— Плохо, — сказала она. — Всё ещё думаем.

— Ещё раз.

Второй раз она открыла рот на вдохе, не на поцелуе, и воздух между ними стал общим. Он не ввёл язык. Договор стоял в комнате третьим. Но губы уже были влажные, и когда она провела нижнюю по его нижней, это нельзя было списать на «губы закрытые».

— Это уже не пункт, — сказал он.

— Это репетиция пункта, который мы провалили. Ещё.

Они целовались дольше трёх секунд. Всё ещё без язы-

ка, упрямо, как люди, которые соблюдают букву и нарушают смысл. Его ладонь на талии потяжелела. Большой палец лёг чуть ниже границы, на верх бедра, и он сам это заметил и вернул руку выше. Она это заметила тоже. Не убрала его руку. Убрала свою с его груди на плечо, потом на шею, туда, куда Сергей запретил в первом дубле и разрешил «если попрошу». Сергей не просил. Просила тишина номера.

— Смешно, — сказала она ему в губы. Голос сел, и от этого слово не стало шуткой до конца. — Муж и жена три дня. А мы даже не знаем, как кто дышит, когда его трогают не для кадра.

— Для кадра мы дышим неправильно. Это уже установили.

Она засмеялась коротко, нервно, и смех кончился, когда он снова поцеловал её. На этот раз она ответила не сухо. Рот приоткрылся. Язык коснулся его губы и отступил, как проверяют воду. Он не пошёл следом. Стоял и чувствовал, как в паху становится тесно в брюках, которые он не снял после площадки. Она стояла босиком, и её бёдра были почти голые. Между ними оставалась одежда и договор. Одежды было мало.

— Глеб.

— Работа, — сказал он, и это прозвучало жалко.

— Работа, — согласилась она. — Тогда давай работать честно. Семья в этом ролике уже всё друг про друга знает. Руки, привычки, где щекотно. Иначе завтра мы опять будем

братом и сестрой, и Сергей нас съест.

Она сказала это легко, почти в шутку. Рука с его шеи опустилась по рубашке, по животу, и легла ему на ширинку. Не сжала. Положила ладонь, как кладут ладонь на стол: вот здесь. Тепло прошло сквозь ткань сразу. Он был уже твёрдый, и скрыть это ладонью было нельзя. Она это почувствовала и не отдёрнула руку. Бровь поднялась. Шутка ещё держалась на лице, в глазах уже не держалась.

— О. Супруг, оказывается, в кадре не один такой деревянный.

— Алина.

— Я проверяю реквизит. Муж и жена должны все знать. И трогать. Иначе какая семья.

Она провела ладонью по нему снизу вверх, медленно, через брюки, один раз. Он выдохнул ей в висок. Рука на её талии дрогнула и не ушла ниже сама.

— Тогда и я должен знать, — сказал он. Тоже как шутку. Получилось тише, чем нужно для шутки.

— Должен.

Он спросил взглядом. Она кивнула, маленький кивок, почти не кивок, и всё же это было да.

Его ладонь соскользнула с талии на бедро, с бедра — между. Купальник был тонкий и уже не сухой там, где ткань сходилась. Он не отодвинул её. Провёл пальцами по ней сверху, по шву, медленно, как она по нему, один раз, чтобы «знать». Тепло, мягкое, явное. Она втянула воздух и упёрлась лбом

ему в плечо, чтобы он не видел лица, и тут же подняла лицо сама, потому что прятаться было глупее, чем признать.

— Тоже не деревянная, — сказала она. — Радуйся. Химия нашлась. Сергей будет счастлив, если мы её завтра не убьём совестью.

Они стояли так ещё немного. Её ладонь на нём, его пальцы на ней, оба поверх ткани, оба уже не в шутке и оба ещё называли это шуткой, потому что без названия пришлось бы называть иначе. За стеклом кто-то включил подсветку бассейна. Голубое легло им на ноги.

Глеб убрал руку первым. Как в пункте. После границы, которую никто не объявлял вслух.

Алина убрала свою следом. Пальцы сжались в кулак и разжались. На ладони ничего не было, и всё равно она посмотрела на неё.

— Секса не будет, — сказала она. Не ему. Себе. Комнате. — Сегодня репетиция. Завтра дубль. Язык по-прежнему не нужен, пока он сам не попросит иначе, и даже тогда это будет его проблема, не наша.

— Согласен.

— Ты согласен ртом. Остальное с тобой не согласно.

— У тебя тоже.

Она не стала спорить. Прошла в ванную, включила воду громче, чем нужно, чтобы умыть лицо. Он остался у стекла, поправил брюки, бесполезно, и смотрел на море, которое за день так и не стало их.

Когда она вышла, волосы были мокрые у висков, купальник сменён на футболку и белье, которое не предназначалось для кадра. Она легла на свою половину кровати поверх покрывала, спиной к нему.

— Завтра у бассейна руки на талии, — сказала она в подушку. — Не ниже. И не вспоминай, куда они сегодня легли. Если вспомнишь, Сергей это увидит. Он видит мёртвое. Живое он тоже увидит.

— Не вспомню.

Оба знали, что вспомнит. Она тоже. Между ног ещё было тепло от чужой ладони, короткой, шуточной, недостаточной. У него на ширинке ещё стоял след её руки, не видимый и от этого хуже.

Глеб лёг на свою половину, не накрываясь. Между ними оставалась полоса простыни шириной в договор.

За стеклом море шумело ровно, как вода в бассейне, которую они не смогли поцеловать правильно. Внизу, у бортика, штатив так и стоял. Камера была холодная. Им предстояло её нагреть. Сегодня они нагрели только себя и сделали вид, что это работа.

Алина не спала. Он тоже. Никто не протянул руку через полосу. Шутка кончилась. Знание осталось: как он твердеет от закрытого поцелуя, как она мокнет от ладони поверх шва, как оба умеют остановиться и как обоим это уже не нравится.

Утром Сергей снова скажет «живее». Они выйдут из номера вместе. И будут пахнуть не ссорой.

Глава 2. Стекло

Утром Сергей поставил их у того же бортика и сказал одно слово:

— Живее.

Оля уже тронула Алине скулы. Грим лёг тонко, почти кожа. На Глебе рубашка была расстёгнута на две пуговицы, как вчера, только сегодня ткань помнила чужую ладонь и вела себя так, будто ничего не помнит. Алина вышла в том же тёмном купальнике. Шов между ног она чувствовала с порога номера и делала вид, что это соль и ткань, не память.

Первый дубль Сергей оборвал сразу.

— Вы опять думаете. Глеб, рука тяжелее. Алина, ты его не боишься, ты его уже выбрала. Ещё.

Они поцеловались. Губы закрытые. Три секунды. Его ладонь на талии, ровно в границе. Её рука на его груди. Правильно. Мёртво ровно настолько, чтобы Сергей сморщился не сразу, а на мониторе.

— Стоп. Кофе кончился в этой дыре, я схожу к корпусу. Оля, не разбирай их. Пять минут. Ничего не трогайте, свет уже стоит.

Он ушёл, стакан в руке, папка под мышкой. Штатив остался. Красный огонёк на камере горел ещё секунду после того, как Сергей ткнул кнопку, и погас не сразу, будто тоже не верил, что работа кончилась.

Оля отошла к шезлонгу, копалась в косметичке, спиной к ним. Потом крикнула, что забудет пудру, и ушла в корпус следом, дверь площадки хлопнула не до конца. За ней осталась щель. Коридор. Чьи-то шаги далеко.

Они стояли у бортика, как их оставили. Рука Глеба всё ещё на талии. Алина не сказала «стоп». Слова не было. Была только камера без огонька и её рот в том же воздухе, что вчера у стекла.

— Не здесь, — сказала она тихо. Не в микрофон. Микрофона не было. — В номер. Пока они за кофе.

— Алина.

— Я хочу по-настоящему. Здесь. Пока грим не стёк. И чтобы ты спросил, прежде чем зайти дальше постановочного. Не угадывал. Спросил.

Он убрал руку с талии. Это было не «нет». Это было место, откуда можно спросить.

— Сейчас?

— Сейчас.

Они поднялись не лифтом, лестницей, быстрее. Ключ в замке дрогнул один раз. Номер пахнул их ночью, в которой ничего не было, и морем. Стекло во всю стену. Внизу пустой бассейн, штатив, который они только что оставили. Камера смотрела в воду, не сюда.

Глеб закрыл дверь. Не на цепочку. На защёлку. Этого было мало, и оба это знали.

— Я спрашиваю, — сказал он. — Можно не по договору.

С языком. Руками ниже. Пока они не вернулись.

Алина кивнула.

Кивок был маленький, как вчера, и на этот раз его хватило без шутки. Она сама шагнула к нему и расстегнула рубашку. Не две пуговицы. Все. Пальцы не торопились и не играли. Пуговица, ткань, следующая. Грудь открылась, живот, край брюк. Она развела рубашку и посмотрела на него так, как вчера смотрела на собственную ладонь после шутки: чтобы запомнить, что это уже не реквизит.

— Спиной к стеклу, — сказала она. — Ты.

Он отступил, пока лопатки не встретили холод. Стекло было ночное, утреннее, ещё не прогретое солнцем с этой стороны. Она прижалась к нему всем телом, купальник к голой коже, и поцеловала.

Не три секунды. Не закрыто.

Рот открылся сразу. Язык вошёл в его рот глубоко, влажно, без репетиции. Того языка, которого в договоре не было, здесь было много. Она целовала так, будто вчерашний шов под её ладонью всё ещё стоял у неё на языке. Он ответил. Руки сами легли ей на спину, ниже талии, на ягодицы, подняли её ближе. Она не отстранилась. Она вела.

Её ладонь нашла его запястье и потянула вниз, между ними, под край купальника. Не поверх шва. Под.

— Спроси ещё раз, — сказала она ему в губы. Дыхание уже другое. — Про пальцы.

— Можно внутрь?

— Да.

Он отодвинул ткань. Она была мокрая сильнее, чем вчера под ладонью, горячая, открытая. Два пальца вошли легко, до костяшек, и она выдохнула ему в рот коротко, почти звук. Большой палец лёг на клитор, не давя, просто занял место. Она закинула одну ногу ему на бедро, пятка в его поясницу, и так стояла: лицом к нему, лопатки почти у стекла, его спина к холоду, её грудь к его груди. Угол был тесный. Пальцы сидели глубоко и не двигались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.